

Смерть чиновника — текст 1 из 2

В один прекрасный вечер не менее прекрасный экзекутор, Иван Дмитрич Червяков, сидел во втором ряду кресел и глядел в бинокль на Корневильские колокола. Он глядел и чувствовал себя на верху блаженства. Но вдруг... В рассказах часто встречается это но вдруг. Авторы правы: жизнь так полна внезапностей! Но вдруг лицо его поморщилось, глаза подкатились, дыхание остановилось... он отвел от глаз бинокль, нагнулся и.. апчхи!!! Чихнул, как видите. Чихать никому и нигде не возбраняется. Чихают и мужики, и полицеймейстеры, и иногда даже и тайные советники. Все чихают. Червяков нисколько не сконфузился, утерся платочком и, как вежливый человек, поглядел вокруг себя: не обеспокоил ли он кого-нибудь своим чиханьем? Но тут уж пришлось сконфузиться. Он увидел, что старичок, сидевший впереди него, в первом ряду кресел, старательно вытирал свою лысину и шею перчаткой и бормотал что-то. В старичке Червяков узнал статского генерала Бризжалова, служащего по ведомству путей сообщения.

Я его обрызгал! подумал Червяков. Не мой начальник, чужой, но все-таки неловко. Извиниться надо.

Червяков кашлянул, подался туловищем вперед и зашептал генералу на ухо: Извините, ваше ство, я вас обрызгал... я нечаянно...

Ничего, ничего...

Ради бога, извините. Я ведь... я не желал!

Ах, сидите, пожалуйста! Дайте слушать!

Червяков сконфузился, глупо улыбнулся и начал глядеть на сцену. Глядел он, но уж блаженства больше не чувствовал. Его начало помучивать беспокойство. В антракте он подошел к Бризжалову, походил возле него и, поборовши робость, пробормотал:

Я вас обрызгал, ваше ство... Простите... Я ведь... не то чтобы...

Ах, полноте... Я уж забыл, а вы всё о том же! сказал генерал и нетерпеливо шевельнул нижней губой.

Забыл, а у самого ехидство в глазах, подумал Червяков, подозрительно поглядывая на генерала. И говорить не хочет. Надо бы ему объяснить, что я вовсе не желал... что это закон природы, а то подумает, что я плюнуть хотел. Теперь не подумает, так после подумает!..

Придя домой, Червяков рассказал жене о своем невежестве. Жена, как показалось ему, слишком легкомысленно отнеслась к происшедшему; она только испугалась, а потом, когда узнала, что Бризжалов чужой, успокоилась. А все-таки ты сходи, извинись, сказала она. Подумает, что ты себя в публичке

держат не умеешь!

То-то вот и есть! Я извинялся, да он как-то странно... Ни одного слова путного не сказал. Да и некогда было разговаривать.

На другой день Червяков надел новый вицмундир, постригся и пошел к Брижжалову объяснить... Войдя в приемную генерала, он увидел там много просителей, а между просителями и самого генерала, который уже начал прием прошений. Опросив несколько просителей, генерал поднял глаза и на Червякова.

Вчера в Аркадии, ежели припомните, ваше ство, начал докладывать экзекутор, я чихнул-с и... нечаянно обрызгал... Изв...

Какие пустяки... Бог знает что! Вам что угодно? обратился генерал к следующему просителю.

Говорить не хочет! подумал Червяков, бледнея. Сердится, значит... Нет, этого нельзя так оставить... Я ему объясню...

Когда генерал кончил беседу с последним просителем и направился во внутренние апартаменты, Червяков шагнул за ним и забормотал:

Ваше ство! Ежели я осмеливаюсь беспокоить ваше ство, то именно из чувства, могу сказать, раскаяния!.. Не нарочно, сами изволите знать-с!

Генерал состроил плаксивое лицо и махнул рукой.

Да вы просто смеетесь, милостисдарь! сказал он, скрываясь за дверь.

Какие же тут насмешки? подумал Червяков. Вовсе тут нет никаких насмешек!

Генерал, а не может понять! Когда так, не стану же я больше извиняться перед этим фанфароном! Чёрт с ним! Напишу ему письмо, а ходить не стану! Ей-богу, не стану!

Так думал Червяков, идя домой. Письма генералу он не написал. Думал, думал, и никак не выдумал этого письма. Пришлось на другой день идти самому объяснять.

Я вчера приходил беспокоить ваше ство, забормотал он, когда генерал поднял на него вопрошающие глаза, не для того, чтобы смеяться, как вы изволили сказать. Я извинялся за то, что, чихая, брызнул-с..., а смеяться я и не думал. Смею ли я смеяться? Ежели мы будем смеяться, так никакого тогда, значит, и уважения к персонам... не будет...

Пошел вон!! гаркнул вдруг посиневший и затрясшийся генерал.

Что-с? спросил шёпотом Червяков, млея от ужаса.

Пошел вон!! повторил генерал, затопав ногами.

В животе у Червякова что-то оторвалось. Ничего не видя, ничего не слыша, он попятился к двери, вышел на улицу и поплелся... Придя машинально домой, не снимая вицмундира, он лег на диван и... помер.